

Море — какое оно?

К. М. Станюкович:

...Уже десять дней, как мы ушли из Сан-Франциско, и все это время плавание наше действительно было на редкость прелестное. Погода стояла отличная: теплая, без угнетающей жары. Солнце ни разу не закрывалось черными, мрачно нависшими тучами или клочковатыми, бешено несущимися зловещими облаками и, ослепительное, заливая ярким блеском океан, весело сверкало с далекой высоты чудного бирюзового неба, по которому двигались, гонимые воздушным течением, молочные перистые облачка необыкновенно изящных очертаний и прихотливых узоров, точно выведенных волшебным резцом. По временам они нагоняли друг друга и, соединяясь,

представляли собой белоснежные фантастические города с церквами, узорчатыми башнями, деревьями, медленно плывущими по ярко-голубой глазури.

Далекое горизонт, куда ни взглянешь, чист. Не видно на нем этого маленького издали, темно-серого пятна, быстро вырастающего по мере своего приближения в гигантский столб дождевой шквалистой тучи, яростно несущейся среди внезапно наступившего затишья на судно, благоразумно поспешившего убрать свои паруса, чтобы не быть уничтоженным грозным шквалом.

И сам загадочный и таинственный дедушка-океан, вся приятной прохладой и выдыхая аромат озона, был в самом милостивом и благодушном настроении, как бы стараясь оправдать свою далеко не справедливую кличку «Тихого». С ласковым рокотом, неторопливо и плавно катил он свои

могучие светло-синие волны, бережно и покойно, словно добрый пестун, покачивая на своей мощной, коварной груди маленький трехмачтовый клипер.

И «Забияка», стройный и красивый, похожий на птицу с распущенными гигантскими белыми крыльями, летел под всеми парусами, имея лисея с правой, с ровным попутным мягким норд-вестом, узлов по девяти в час, рассекая с тихим гулом воду своим острым водорезом и оставляя за кормой след в виде серебристой ленты.

— Эка благодать! — говорят весело матросы, радуясь и спокойным вахтам, и спокойным ночам, не прерываемым окриками боцмана, призывающего «всех наверх». — Так-то, братцы, плавать еще куда ни шло... Кабы завсегда да так!..

«Морские рассказы»

И. А. Гончаров:

Фрегат «Паллада».
Рис Е. Войшвилло из журнала
«Морской флот»

...Огромные холмы с белым гребнем, с воем толкая друг друга, встают, падают, опять встают, как будто толпа вдруг выпущенных на волю бешеных зверей дерется в остервенении, только брызги, как дым, поднимаются, да стон носится в воздухе. Фрегат взберется на голову волны, дрогнет там на гребне, потом упадет на бок и начинает скользить с горы, спустившись на дно между двух бугров, выпрямится, но только затем, чтобы тяжело перевалиться на другой бок и лезть вновь на холм. Когда он опустится вниз, по сторонам его вздымаются водяные стены...

...Часа в три утра взяли последний риф и опустили брам-стенги. Начались сильные размахи. В моей малень-

кой каюте нельзя было оставаться, особенно в постели: качнет к изголовью — к голове приливает кровь; качнет назад — поползешь совсем, с подушками, к стене. Все, что расставлено на полках, повешено на гвоздях, лежало в комодах, — все заходило, зашевелилось. Книги валились на пол и на постель; щетки, фуражки сыпались сверху, стаканы звенели и разбивались. Между тем рассвело. Я вышел на палубу. Волны ходили выше сеток и заглядывали, как живые, точно узнать, что тут делается. Качка и размахи увеличивались. «До чего же это, наконец, дойдет?»... Ветер ревел; он срывал вершины волн и сеял их по океану, как сквозь сито: над волнами стояли облака водяной пыли. Опять я поверил свое прежнее сравнение и нашел его верным: да, это толпа диких зверей, терзающих, в ярости, друг друга. Точно несколько львов и тигров бросаются, вскакивают на дыбы, чтобы впиться один в другого, и мечутся кверху, а там вдруг целой толпой шархнулись вниз — только пыль столбом стоит вверх, и судно летит туда же за ними, в бездну...

...«Крепкий ветер, жестокий ветер! — говорил по временам капитан, входя в каюту и танцуя в ней. — А вы это все сидите? Еще не приобрели

И. А. Гончаров

морских ног». — «Я и свои потерял», — сказал я. Но ему не верилось, как это человек может не ходить, когда ноги есть. — «Да вы встаньте, ну, попробуйте», — уговаривал он меня. — «Пробовал, — сказал я, — да без пользы, даже с вредом и для себя и для мебели. Вот пожалуй...». Но меня потянуло по совершенно отвесной покатоности пола, и я побежал в угол, как давно не бегал. Там я кулаком попал в зеркало, а другой рукой в стену. Капитану было смешно. «Что же вы чай неидете пить?» — сказал он. — «Не хочу!» — со зло-

стью сказал я. «Ну, я велю вам сделать здесь». — «Не хочу!» — повторил я... Я был очень зол. Сначала качка наводит с непривычки страх. Когда судно катится с вершины волны к ее подножию и переходит на другую волну, оно делает такой размах, что кажется, сейчас рассыплется вдребезги, но когда убедишься, что этого не случится, тогда делается скучно, досадно, досада превращается в озлобление, а потом в уныние. Время идет медленно: его измеряешь не часами, а ровными, тяжелыми ударами волн в бока и корму. Это не тихое чувство покорности, а чистая злоба, которая пожирает вас. Во рту сухо, язык горит. Нет ни аппетита, ни сна, ешь, чтоб как-нибудь наполнить праздное время и пустой желудок. Не спишь, потому что не хочется спать, а забываешься от утомления в полудремоте...

«Боже мой! кто это выдумал путешествия? — невольно с горечью воскликнул я: — Едешь четвертый месяц, только и видишь серое небо и качку!» Кто-то засмеялся. — «Да, право, — продолжал я, — где это синее море, голубое небо да теплота, птицы какие-то да рыбы, которых, говорят, видно на самом дне?»

«Фрегат «Паллада»

ЕСТЬ У МОРЯ СВОИ ЗАКОНЫ

Есть у моря свои законы,
 есть у моря свои повадки.
 Море может быть то зеленым
 с белым гребнем на резкой складке,
 то без гребня — свинцово-сизым
 с мелкой рябью волны гусиной.
 Просто светлым
 и просто синим,
 чуть кольшимым легким бризом.
 Море может быть голубое.
 И порою в дневном дозоре
 глянешь за борт —
 и под тобою
 то ли небо, а то ли море.
 Но бывает оно и черным,
 черным, мечущимся, покатым,
 немолчным и непокорным,
 поднимающимся, горбатым,
 в белых ямах, в ползучих кручах,
 переливчатых, неминучих,
 распадающихся на глыбы,

в светлых полосах мертвой зыби.
 А какое бывает море,
 если взор застилает горе?
 А бывает ли голубое
 море в самом разгаре боя?
 В час, когда, накренившись косо,
 мачты низко гудят над ухом
 и натянутой ниткой тросы
 перескрипывают глухо,
 в час, когда у наклонных палуб
 ломит кости стальных распорок,
 и, уже догорев, запалы
 поджигают зарядный порох.
 Кто из нас в этот час рассвета
 смог бы спутать два главных цвета?
 А пока просыпались горны
 утром пасмурным и суровым,
 Море виделось мне то черным,
 то — от красных огней — багровым.

Григорий Поженян